

ПРОБЛЕМА МИСТИФИКАЦИИ ВЛАСТИ В РОССИИ

Мало кто из современных аналитиков не рассматривает понятие «чиновничество» в России как ключевое. Одни – на основании данных о современной коррупции, о бюрократических механизмах решения проблем и так далее, другие – априорно, потому что так принято считать, то есть на основе традиционности знания о предмете. Последнее является наиболее интересным, учитывая противоречивый курс страны на экономические реформы по социальному сценарию и полное нежелание гражданского общества России быть гражданским, то есть готовым разделить ответственность с властью за будущее страны, что есть необходимое условие реальной демократии. Здесь источник нерушимого патронализма власти в России: менеджеры уважают, «отцов» любят.

В этих условиях возникает вопрос о причинах происходящих в общественном сознании процессов, об их связи с реальными фактами действительности, укоренившимися в общественном сознании мифосмыслами и новыми мифологемами, которые вбрасываются прежде всего средствами массовой информации. Оговоримся сразу, что под мифом мы понимаем не иллюзию или заблуждение, а смысловой феномен, своего рода эталоны восприятия мира, носителем которых может быть все общество (этно-социальная мифология) и отдельный субъект (индивидуальный инвариант мифа) и которые могут наследоваться при рождении и восприятии как сетка ценностной размерности либо конструироваться осознанно (в частности, имидж).

Доказательное рациональное знание о предмете относит нас к логическим построениям «здорового смысла»: есть плохие и хорошие врачи, плохие и хорошие учителя. Почему не быть плохим и хорошим чиновникам? Данные коррупции и бюрократии вполне можно отнести к феномену плохих чиновников, а факты успешного развития муниципальных проектов, эффективного руководства территорией – к хорошим. Но не тут-то было. В последнем случае мы (и в первую очередь СМИ) ищем иные понятия, прежде всего личные: «эффективный управленец», «успешный кризисный менеджер», «профессионал» – все что угодно, только не «хороший чиновник».

Очевидно, что здесь мы имеем дело с иной ипостасью знания - традиционным знанием мифологического характера. Мифологическое знание имеет свои особенности. Умственный процесс в сознании, погруженном в миф (или оперирующий рядом тех или иных частных мифологем), протекает иначе. В нем отсутствует формальная логика мышления. Рациональность мифа, о которой говорят в последнее время (К. Хюбнер, из современных отечественных философов Н. Хренов), базируется прежде всего на феномене связей, когда «предметы, существа, явления могут непостижимым для нас образом быть одновременно и сами собой, и чем-то иным» (Л. Леви-Брюль). Символическое удвоение выступает атрибутом мифологической логики. В этом уравнении смыслового «двойничества» есть и конкретное постижимое опытом объективное явление, и «нечто иное», всегда имеющее надопытную природу. Возвращаясь к теме чиновничества, очевидно, что его рассмотрение происходит не в привычно-рациональной отдельности, а в некоем Космосе, построение которого всегда есть задача того или иного мифомира.

Установить сегодня природу и параметры некоего целостного мифомира не представляется возможным: беда России с ее идеологичностью в том и состоит, что целостного смыслового поля в ней сегодня не существует. Есть локусы отдельных социально-этнических мифологий (советской, имперско-патриотической, прозападно-демократической). Общие сегменты смыслов выстраиваются крайне медленно. Однако существенно то, что мифологема «чиновничества» является относительно устойчивой в каждом из них, своего рода связующим звеном, а потому может оказаться ключевой, обобщающей, что в условиях «атомизации» общественного сознания делает исследование этого феномена перспективным.

Суть уравнения смыслового «двойничества» в отношении понятия «чиновничество» легко устанавливается, исходя из движения норм русского языка. Язык есть первый и основной миф, на котором зиждется та или иная этно-социальная мифология. Он - первичная знаковая система, в которой то или иное национальное сознание описывает мир, предстает естественным мифологическим экраном, ибо мы сначала определяем, а потом видим.

Многие работы известных российских историков и философов так или иначе касаются темы российского чиновничества. В общей сложности они дополняют и интерпретируют то семантическое поле, которое кратко описано толковыми словарями XX века.

Новейшие словари, в частности «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» под редакцией Т.Ф. Ефремовой, вышедший в 2000 году, трактует понятие «чиновник» в двух семантических аспектах: «**Чиновник** 1. Государственный служащий, 2. перен. Тот, кто относится к своему делу с казенным равнодушием, формально; бюрократ» [1]. То есть современный толковый словарь четко фиксирует единовременное бытование двух значений слова, а значит, их полное наложение в общественном сознании. Собственно, мы это знаем и из жизненной практики, но фиксация словарем этого факта как языковой нормы

* © О.А. Карлова, 2006.

очень важна: она констатирует, что перед нами не «вредная тенденция» СМИ, а укорененный факт общественного сознания.

Когда же возник этот феномен? Отсчитаем наугад полвека и откроем первый выпуск словаря С.И. Ожегова, увидевшего свет в 1949 году. «**Чиновник**, -а, м. 1. В буржуазных странах и в России до революции: государственный служащий, имеющий чин, служебное звание. 2. перен. Тот, кто ведет свою работу с холодным равнодушием, без интереса, бюрократически» [2]. Переносное негативное значение уже существует, хотя, согласно советской мифоидеологии, отнесено к «старому миру» и «другому миру». Впрочем, жизнь чуть позже покажет, что явление вполне соответствует и советскому времени, что доказывает распространенное уже в 70-е годы явление «партийной номенклатуры» как советский смысловой двойник чиновничества.

Вопрос: не в советской ли идеологии берет начало негативный семантический ряд исследуемого понятия? Это вполне возможно, поскольку есть немало аналогов.

Так, понятие «предприниматель», «торговец» (в отличие от продавца как профессии) были в советское время социально негативно окрашены и стояли в одном синонимическом ряду со словами «торгаш» и «спекулянт». Что касается советской интерпретации дореволюционной практики, то, разумеется, свое слово в процессе рассматриваемого смыслообразования сыграла русская классическая литература. В этом ее недвусмысленно обвинил Владимир Набоков, не без основания полагая, что литература послепушкинского периода перестала быть «художественным вымыслом» в исконном определении Аристотеля. Сами литературные классики XIX и XX веков неоднократно высказывались в том смысле, что русская литература должна быть борцом с самовластьем (революционный романтизм), адвокатом «униженных и оскорбленных» (реализм), должна звучать как «музыка революции» (символизм). Таким образом, русская литература последних веков как процесс осознала себя чем-то большим («поэт в России больше чем поэт») и тем самым породила тенденцию, которая позже приравняет ее к революционному делу. В 1937 году за «художественный вымысел» будут расстреливать, в 1970-х – высылать из страны.

Кстати, когда мы говорим о литературной классике, нужно понимать, что в течение последнего века наш народ имел дело с той литературной классикой, которая была сформирована усилиями советской идеологии. В нее вошли только социально-критические публикации больших русских писателей, все иные их труды остались за рамками «полных собраний сочинений». Из писателей «второй шеренги» в советской «русской классике XVIII- XX вв.» представлены опять-таки «вольнолюбивые писатели». Если у А. Пушкина читать только оду «Вольность», у Н.Гоголя – «Мертвые души», упорно вносить в списки для школьного чтения Герцена и Чернышевского, предав полному забвению А.К. Толстого, Лажечникова, Аксакова, Волконского, то образ «старого мира», а вместе с тем и чиновника как его знакового представителя будет соответственно оценочно окрашен.

Все это так. И, однако же, полагаем, что не эти факторы явились решающими в закреплении за понятием «чиновничество» эмоционально-негативной окраски. Редко используемое до 1985 года в общественной коммуникации слово не могло так жестко закрепить в общественном сознании специфические смыслы. А потому обратимся к одному из первых словарей XX столетия – «Толковому словарю живого великорусского языка» Владимира Даля, увидевшему свет в 1903 году. Это издание трактует понятие «чиновник» как «служащий государю и жалованный чином, обер и штаб-офицер, или генерал, хотя высшие чиновники зовутся сановниками» [3]. Итак, вот оно: в данном определении еще нет оценочной окраски понятия. Однако чрезвычайно показательна, на наш взгляд, последняя оговорка, фиксирующая различие между теми, кто «вверху», и всеми остальными «служащими государю». Эта оговорка, на наш взгляд, дает нам возможность гипотетически представить, как произошло своеобразное расслоение понятия и откуда взялась оценочность феномена «чиновничества» в России.

Полагаем, что расслоение понятия «чиновник» началось в XIX веке. Этимологический корень «чин», от которого слово произошло, сам по себе несет нейтральные смыслы. Словарь Ожегова трактует его не только как служебный разряд военных и гражданских служащих (гражданские, военные чины, чины дипломатического корпуса), но и как порядок, обряд. В этимологии понятия лежит не только устаревшее значение «чин погребения», но и разговорное словоупотребление – «чин чином», «чин по чину», «чин чинарем» - то есть так, как требуется по порядку [4]. Именно понятие о «русском порядке», его мистификация в контексте российского мифологического сознания породила своеобразную «обрядовость» чина и чиновничества.

Любой мифологический обряд связан с логикой добра и зла, верха и низа и др. Констатированное в словаре В.Даля деление на «чиновника» и «сановника» может быть прочтено в этом контексте. «Сан», по Далю, – это не только высокий чин, звание, знатная должность, жалованное достоинство, почет, но и соответствующая осанка, и знатный родом, у которого сановные, вельможные предки [5]. Происхождение чрезвычайно важно в аспекте мифологического знания. Согласно мифологическому генетизму, сущность непосредственно связана с происхождением (тотемные предки, Богородица, рабочий класс и др.). Любопытно, что уже в словаре у Ожегова мы находим истолкование понятия «сан» не только как «звание, связанное с почетным положением», но и как «звание служителя христианского религиозного культа» [6]. Этот последний языковой факт объясняет, как и почему в общественном сознании второй половины XX века в России разошлись

слова, обозначающие антиномию «чиновник-сановник». Но этот же факт опосредованно подтверждает сакрализацию понятия «сан», «сановник» в мифозыке народа.

Иначе говоря, тот кто вверху не чиновник (в нашем случае, прежде всего президент, премьер, но также губернатор, мэр), а следовательно, не виноват, поскольку прав по определению. Согласно пиаровской формуле: «Он – хороший». Все же без исключения, кто работает в госаппарате внизу, – чиновники, то есть априори «плохие» и виноватые. Демократия получается явно не западно-рационалистическая, а российско-мифологическая.

Впрочем, в мифологической логике также есть своя рациональность. Она обусловлена разумом, по своему логически непротиворечива (в данном случае как логика «добра и зла», «верха и низа») и соответствует принятым нашим обществом правилам, что делает ее доступной разумному пониманию. Мы имеем дело с традиционным мифологическим знанием народа. Очевидно, что оно формируется в процессе познания, создавая схемы, понятия, образы, обеспечивающие смысловую ориентацию в окружающем мире. В этом случае познание может означать приспособление человека и общества к существующим формам знания и консервирование последних. При такой трактовке динамика познания в ее отношении к мифу оказывается историческим движением знаниевой структуры его символов. Уточним, что познание как процесс освоения индивидуумом бытующих мифологических схем актуализирует последние, переводит мифологическое знание в режим взаимодействия с реальными проблемами, специфически воспроизводит и перерабатывает его. Это возможно только в том случае, если в основе мифа лежат не только иллюзорные, но и объективные представления о мире в виде понятий и образов.

Иначе говоря, в мифологеме «чиновники – облеченные саном» рациональный аспект также представлен прежде всего в виде фактов коррупции, бюрократической волокиты, штампованного ведомственного языка. Источник этих смыслов – самочувствие человека в контакте с чиновниками (личное или своего окружения).

Личный контакт с явлением, предметом, человеком – наиболее распространенная причина распада целостности того или иного мифообраза. Это убедительно показывает, например, сравнение имиджа и торговой рекламы. Так, внешний образ товара и имидж представляются близкими, прежде всего исходя из самого процесса рекламирования (контролируемого метода размещения сообщений). Однако в самом процессе такого рекламирования и, главное, в процессе восприятия торговой и имиджевой рекламы не менее десятка существенных отличий. Отметим наиболее важное из них, с нашей точки зрения. Цель торговой рекламы – побуждение к покупке. Д. Берштейн определял рекламу как создание и передачу представления о товаре именно с тем, чтобы пробудить потребителя купить его. Первое действие (покупка) должно привести к его дальнейшему тиражированию на основе удовлетворения от качества.

Вот здесь и коренится основное отличие торговой рекламы от имиджевой. Оно – в установлении прямого контакта потребителя с товаром. Потребитель рекламы становится потребителем товара (потребитель имиджа – нет, а если и становится, то в отдаленной перспективе и «в среднем по палате»). Это качество – основа рационально-критического отношения к предмету рекламы. Имидж призван выстраивать общественное отношение, это возможно только при «эпической дистанции», когда ключевым является репрезентант политика, фонда, организации (собственно имидж, транслируемый через экран СМК).

Итак, можно предположить, что в силу «эпической дистанции» образ «облеченных саном» выстраивается по аналогии с имиджем (то есть опосредованно), а образ «чиновника» в силу широкой контактной зоны общения с населением формируется по аналогии с рекламой, где доминирует рационально-критическое отношение. Трудно отрицать, что эти факторы оказывают свое влияние. Однако почему тогда все «чиновники плохи», ведь здравый смысл и информация СМИ о решаемых ежедневно проблемах как раз и должна адресовать их и нас к персоналиям «положительных чиновников»? Но, возможно, в том и дело, что персоналии в этом случае перестают считываться как чиновники. Иван Иванович Петров – это человек, который мне помог, а не какой-то там «чиновник».

Чиновник, таким образом, выступает как сакрализованная категория, исполняющая роль «абсолютного общественного зла». По сравнению с ней менее устойчивым выглядит мифообраз криминала как рационально определенного общественного зла. Именно рационально определенного, поскольку понятие криминала в этом качестве не сакрализовано. Это позволяет криминальным авторитетам фигурировать в общественном сознании не только как «преступникам» и «бандитам», но и как «робин гудам» и «бунтарям». Пристальное рассмотрение модели формирующегося таким образом отношения позволяет говорить о том, что ключевую роль в нем играет понятие «справедливость».

Понятие «справедливость» в русско-российской семантике отнюдь не синонимично понятию «законность». Они отстоят друг от друга так далеко, что «неправый закон» есть не логический нонсенс общественного сознания, а нормальная мифологема. Закон в восприятии людей сегодня по большей части неправ (неразумен, неполон, бессилён), а его служители вызывают волну недовольства как «взяточники», «оборотни», те, кто на стороне силы и денег. Но дело опять-таки не только в сформированном жизненным опытом рационально-критическом взгляде на проблему. Дело в том, что в механизме российского определения «справедливости» работает иной критерий, чем табу закона – можно назвать его критерием «более сильного аргумента». (Да, я украл из гаража одну запчасть, а вот мой завгар украл целую машину). Аргумент силы рас-

членяет фактор ответственности, вводит условия определения «кары»: мне уже не стыдно, моя кража как бы перестает быть кражей, можете начинать стыдить меня тогда, когда разберетесь с тысячами завгаров. По этому же принципу криминальный авторитет переходит из рационального разряда преступников в мифологический разряд «сильных личностей, преступающих закон», которые могут действовать «по справедливости» тогда, когда а) этой справедливости не дождешься от правоохранительных органов (фильм «Бригада»), б) финансовой государственной «справедливости» не хватает на всех (то есть в виде всяческого спонсорства) и др.

Сильные – те, кто дают (сановники, добрые олигархи, в том числе и с криминальным прошлым), или те, кто отбирают (чиновники) у «стаи», у среднеобщинного человека. Им дана сила – на них лежит ответственность.

Сила эта в общественном сознании имеет своего рода конкретное измерение. Так, мифообраз «облеченных саном» чаще всего автоматически переходит на тех, кто вступает в высокую должность (так, назначение исполняющим обязанности мэра или губернатора, по статистике выборов в России 1990-2000 гг., существенно увеличивало шансы на победу в будущих выборах. Этот фактор важен сам по себе, даже без учета возможностей пресловутого и крайне неоднозначного «административного ресурса»).

Да и сам выбор «сановника», будь то президент или губернатор, происходит у большинства людей в сегодняшней России не по политическим соображениям: слишком смешались политические оценки и политические биографии в эпоху перемен, многие вчерашние коммунисты стали яркими или умеренными демократами. Фокус-группы показывают, что у большинства женщин страны выбор происходит как личный выбор мужчины, то есть они действительно «голосуют сердцем», а точнее сказать, мифологическим подсознательным. Отсюда и эмоциональная «логика» ответа на вопрос, почему почти не избирают женщин. Потому что голосуют в основном женщины, и они же чаще всего детерминируют семейное голосование. В этой же логике ответ на вопрос, почему в нашей стране не любят «первых леди»: они подсознательно воспринимаются как соперницы. При назначениях начальников-мужчин даже в типично женских отраслях априори господствует сакральность «закрытости»: пиджак, галстук, серьезность, безэмоциональность (то есть опять-таки овнешненный эталон «чиновника»). В психологии такое поведение обозначается пленкой «Я-взрослый». При том, что таких женщин немало, общественное мнение рисует в целом тип женщины диаметрально противоположным (эмоциональная психологическая пленка «Я-ребенок», далекая от образа чиновника или сановника). Скорее всего, именно поэтому и сами женщины-служащие приветствуют «сакральное» назначение мужчин в качестве начальников (как эталона чиновника), хотя всю основную работу – и это также общеизвестно – чаще всего несут на своих «хрупких плечах» именно российские женщины (как в деловой жизни, так и в семье). А выбор сановника тем более описывается этой мифосмысловой схемой.

Надо упомянуть, что позитивное отношение к «облеченным саном» в настоящее время формируется не только благодаря «эпической дистанции», но и вследствие функций, которые закреплены за этими «уровнями» власти. Это решающая воля и право «вета» президента, премьера, губернатора, мэра, а с другой стороны, например, функция обеспечения безопасности страны, закрепленная за федеральным уровнем власти. Согласно оценкам социальной психологии, потребность в безопасности является одной из двух основных потребностей человека, что также сакрализует отношение к тому, кто ее обеспечивает (другой вопрос, что представления о безопасности страны и собственной безопасности могут не совпадать, а высокая общественная тревожность может вообще привести к десакрализации отношения).

Мифообраз «сановника» в общественном сознании чаще всего сохраняется за персоналией в этом качестве и пересматривается при «лишении сана» в полном соответствии с цитируемой еще Н. Гоголем половицей «Годится – молиться, не годится – горшки покрывать». Мы проходили это в новейшей истории и с М. Горбачевым, и с Б. Ельциным. Заметим, что уход из власти ведет яростную десакрализацию, что само по себе с точки зрения здравого смысла трудно объяснимо. На фоне абсолютного позитива – ведь даже недостатки в сакрализованном варианте воспринимаются как достоинства – общественное сознание оценивает сомнительный поступок ставшего уже «простым человеком» бывшего сановника как низвержение героя. То есть ждали именно героя, а оказался просто человек, что «несправедливо». По законам такой справедливости, кто был всем, становится ничем – ему воздается общественно.

В такой десакрализации, кстати, также нет ничего официально доказанного и рационально определенно. Общественное российское мнение в своих безапелляционных суждениях включает механизм понятия «справедливости», не нуждаясь в правовой основе обвинения и не ища ее.

Моральная основа понятой таким образом справедливости может быть определена как «мораль стаи». В этой модели различаются понятия «стая» и «вожак», при этом ответственность и в позитиве, и в негативе возлагается на последнего и снимается со всех остальных. Тот, кто может сотворить больше (добраго или злого), тот и «вожак», на том и ответственность. Это очевидно для антиномии «бандит – Робин Гуд», это очевидно и для антиномии «чиновник – сановник». Древняя общинная мораль, к которой типологически относят российский менталитет, близка «морали стаи» тем, что она не самодостаточна, ей для саморазвития нужен феномен сильной личности. Многие аналитики подтверждают, что именно в дефиците харизматических лидеров гнездится корень слабого развития партийной системы в сегодняшней России.

Справедливость в данном случае исходит из логики: «они оказались у кормушки - они плохие». Она подразумевает, что было бы справедливо, если бы «у кормушки оказались мы». Вопрос о том, кто такие «мы» в контексте сегодняшнего дня, также интересен. Это «мы» рубежа третьего тысячелетия – скорее партийно-номенклатурное «мы» конца XX века, чем большевистское «мы» 20-х годов. Различие - в возможностях общества и понимании им на разных этапах слова «блага». В начале века XX-го речь шла о праве на выживание, в последней трети века – о кастовом партноменклатурном праве при распределении благ общества.

Именно это «мы» сегодня спрашивает: «Вы считаете справедливым, что олигархи богатые, а мы с вами - нет?». Ответ: «При советской власти блага также были доступны не всем: номенклатуре – по потребности, остальным – по разнарядке» - нарушает мифологию лозунгов советского периода. Они служили одной цели: привести представление о норме распределения якобы в соответствие с общественным представлением о справедливости.

Итак, сакральное чиновничество сильно, но не право (не справедливо). Сакральные сановники сильны и справедливы. С философской точки зрения, перед нами метаобразы реальности, объективные эталоны, связанные с определенным мифопорядком и восприятием мира. С позиции теории познания субъект, оперируя таким эталонным представителем, сразу отражает стоящие за ним предметы данного класса, качества которых выражены в нем с наибольшей полнотой (родовой образ). Именно поэтому такой совершенный предмет, эталон и имеет онтологический (бытийный) смысл, и определяет собой схему практики человека и общества. Ряд мифологических локусов, которые и образуют сегодня в общественном сознании «российский миф», устойчиво и единообразно интерпретируют мифоима «чиновник», что доказывает его глубокие мифологические корни в обосновании полноты качества явления и его аксиологического значения.

Иначе говоря, представления людей, а значит, и схема практики их в отношении понятия «чиновничество» никак не зависят от поступающей им в любых количествах информации рационально-критического характера.

Сакральность сильной власти и тяга к ней в России очевидны: в современных демократически ориентированных администрациях старые кадры с пиететом вспоминают, как при партийных руководителях старой закалки боялись даже шептаться на совещаниях. Впрочем, любая административная структура интуитивно следует правилам сакрализованной обрядности: общеизвестны стремление публиковать минимум информации о своей деятельности, кадровые табу, «подковёрность» принятия решений.

Существенна и роль средств массовой информации в мистификации власти. Поскольку СМИ априори провозглашают себя оппозиционными власти, чиновничеству, то отсюда простая мифологическая формула: СМИ - демократические, народные, значит, чиновничество должно быть также априори антидемократическим и антинародным. Антиномия «чиновники - сановники» в общественном сознании опосредованно доказывается различием в вещательной и газетной политике федеральных и региональных средств массовой информации.

Вопросов, в сущности, два.

Первый: является ли демократия (и демократизация как процесс) в нашей стране зоной разрушения этого сакрального пространства? Ответ: нет, поскольку демократия понимается российском общественным сознанием специфически. В частности, если ты не сам избираешь «сильного» («сановника»), то это не демократия, несмотря на демократический опыт Англии и других стран. Применяется модель «морали стаи», которая должна выбирать «вожака», и в этом процессе никакие иные «общественные институты» не задействованы. Демократия в России есть власть народа, понятая как торжество справедливости. Такой вот «чин» - в смысле «порядок». А потому лучшая власть - даже не избранная, а данная (освященная), то есть либо лично-харизматическая, либо социально-харизматическая (Советы, КПСС).

Второй вопрос: может ли быть разрушена мифологема «чиновничества» в России? В пределах наличной этно-социальной мифологии – не может. Выходов из ситуации сформированного негативного отношения к чиновничеству несколько: 1) изменить мифоима понятия, как это было сделано при Советской власти; 2) «очеловечивать» чиновников, переводя их из категории родового образа в личностный план, однако сделать это возможно только по отношению к относительно небольшому числу руководителей; 3) опережающими темпами увеличивать в обществе число «независимых от власти людей», в сознании которых их собственная жизнь десакрализует рассматриваемую категорию. Этому третьему «выходу» крайне мешают предпринимаемые в последние годы экономические меры, которые ставят в самые невыгодные условия людей, как раз претендующих на звание «среднего класса». В силу этого «средний класс» в России пока не сформировался, что также вносит свою лепту в мистификацию российской власти и специфического «российского порядка».

Однако если все же число «независимых от власти людей» будет расти в России опережающими темпами, то в результате скорее всего получится инвариант общественного сознания, который будет свидетельствовать о переходе российской этно-социальной мифологии в новое качество (возможно, ближе к прозападно-демократической модели мифа), где нынешнее семантическое поле сознания российского народа будет представлено лишь в снятом виде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т.2.- М.: Русский язык.- 2000.- С. 988.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – С. 768.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4.- М.: Прогресс, Универс, 1994. – С. 1342.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка.- С. 768.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. – С.137.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – С. 605.